

Глава 13. Признание

— Ладно, тогда в «Half», — ответил Лян Чэнь. — Я за машиной, встретимся у центрального входа. Идет?

Чэнь Сяо на мгновение замялся, но все же кивнул:

— Хорошо. Сейчас соберусь и выйду. До встречи.

Повесив трубку, Лян Чэнь направился напрямик на парковку. «Half» был гей-баром. Изначально он не планировал раскрывать свою ориентацию коллегам — все-таки он здесь всего лишь на стажировке, и неизвестно, останется ли в штате. Но тон Чэнь Сяо в телефонном разговоре навел его на мысль, что вечер пойдет не только о Цзянь И. Решение было принято спонтанно: выбрав место с таким недвусмысленным подтекстом, Лян Чэнь избавлял себя от необходимости подбирать слова и ходить вокруг да около.

Не прошло и десяти минут, как Чэнь Сяо показался в дверях больницы с пакетом в руках. Заметив мигание фар, он быстро перебежал дорогу и запрыгнул на переднее сиденье.

— Прости, что задерживаю тебя после смены, — выдохнул Чэнь Сяо, закрывая дверь. — Доктор Лян, вы...

— Брат Сяо, — Лян Чэнь убрал локоть с окна и обернулся к нему с мягкой улыбкой. — Раз уж мы не на работе, давай без этих официальных «докторов». Зови меня просто по имени.

— Договорились, — кивнул тот.

Лян Чэнь бросил взгляд в зеркало заднего вида и плавно тронул машину с места.

— Знаешь, — заговорил Чэнь Сяо, глядя на проплывающие за окном огни ночного города, и в его голосе послышалась горькая ирония. — Я сто лет не бывал в таких местах. Если я там... ну, впаду в ступор, выручай. Даже как-то нервничаю.

— Без проблем, — бодро отозвался Лян Чэнь. — На втором этаже обычно тихо, там и поговорим.

— Хорошо. Тогда можно сразу вопрос? — Чэнь Сяо повернулся к нему.

— Брат Сяо, мы же договорились — без церемоний. Ты меня так сам вгонишь в мандраж.

— Ладно-ладно. Я просто хотел спросить: как ты понял? Про меня.

— Как понял? Ты про ориентацию? — Лян Чэнь вскинул бровь. — Интуиция. Хотя, честно говоря, когда я предложил это место, я просто хотел дать тебе понять, что я тоже... из «этих».

Чэнь Сяо едва заметно улыбнулся.

Продравшись сквозь бесконечные пробки, они наконец добрались до бара. На первом этаже царил хаос: гремела музыка, на сцене танцевали *role-dance*. Лян Чэню пришлось буквально прикрывать Чэнь Сяо собой, мимоходом отпихивая чьи-то липкие руки. В какой-то момент он, шепнув короткое «извини», просто обнял коллегу за плечи и решительно увлек его на второй этаж.

Здесь было значительно спокойнее. В полузакрытых кабинках сидели пары, в воздухе витало интимное, тягучее напряжение. Чэнь Сяо огляделся. Говорить о серьезных вещах в такой обстановке казалось почти кощунством.

— Лян Чэнь, может... сменим локацию? — неуверенно предложил он.

Лян Чэнь покачал головой и, подтолкнув его к угловому столику, зажег стоявшую на нем масляную лампу.

— Давай здесь. Мне самому нужно немного развеяться и сбросить напряжение.

— Ну, ладно.

Когда принесли напитки, оба какое-то время молчали. Тишину нарушил Чэнь Сяо. Он задумчиво помешал лед в стакане, сделал большой глоток и, не отрывая взгляда от бликов на стекле, заговорил:

— Лян Чэнь, перейду сразу к делу. Думаю, за эту неделю ты сполна насмотрелся на то, как у Цзянь И случаются приступы. Я в Шестой больнице три года, пришел на год раньше него. Видел его во всех состояниях. Но я ни разу не видел, чтобы его эмоции были настолько нестабильны за такой короткий срок. И знаешь, я уверен — это всё из-за тебя.

Он сделал паузу, горько усмехнувшись.

— В первый же вечер, как ты появился, он засыпал меня вопросами о тебе. Никогда раньше не видел у него такого любопытства к кому-либо. Мы общаемся столько времени, а он ни разу не спросил ничего обо мне лично. Даже та история, когда он тебя ударил, а потом позвонил извиниться... Ты не представляешь, что это значит. За два года он впервые перед кем-то извинился. До этого он тоже ввязывался в драки, но никогда не чувствовал вины, а уж тем более не признавал ошибок. Когда я узнал об извинении, я даже обрадовался — решил, что парень наконец-то начал меняться. После того дня он стал нормально есть, посвежел. Я думал, он идет на поправку... пока он не сорвался во второй раз.

Чэнь Сяо поднял глаза.

— Знаешь, почему он просил меня не рассказывать тебе об этом? Сказал, что не хочет тебя разочаровывать.

Он покачал головой.

— Честно? Меня это задело до глубины души. За два года его ни разу не волновало, разочарованы ли в нем мы — те, кто рядом каждый день. Он даже не подумал о моих чувствах, когда говорил это. Лян Чэнь, мы оба изучали психологию. Если человек просто зависит от кого-то, он думает прежде всего о своем комфорте. Но с Цзянь И все иначе. Пусть он не до конца контролирует сознание и поступки, но после каждого срыва он первым делом думает о том, что почувствуешь ты. Для него в целом мире существуешь только ты один.

Чэнь Сяо вытащил из пакета блокнот — тот самый, который Лян Чэнь подарил Цзянь И для рисования. Бумага была измята и истерзана, видимо, во время сегодняшнего приступа. Чэнь Сяо бережно разгладил страницы и положил блокнот перед Лян Чэнем.

— Сегодня днем, когда это началось, рядом был только Да Нин. Потом я расспросил его. Он сказал, что Цзянь И сначала спрашивал, долго ли еще до завтра, а потом начал хвататься за грудь и твердить, что ему плохо. А когда речь зашла об электротерапии, он сопротивлялся до последнего. Кричал, что боится забыть то, что обещал.

Чэнь Сяо замолчал на мгновение.

— Я не знаю, что у него произошло с утра — я был на совещаниях. Медсестры сказали, что он весь день вел себя странно. Отказался от еды, от психологической разгрузки, даже не прикоснулся к карандашам. Лян Чэнь, ты ведь не должен был возвращаться в стационар сегодня. Думаю, он просто решил, что больше тебя не увидит, а потребность была слишком сильной. Он не смог это переварить, не смог высказать... и сорвался. Бедняга так и не узнал, что ты в итоге пришел.

Лян Чэнь молча кивнул. Утром его что-то встревожило в реакции Цзянь И, и он решил заглянуть к нему перед приемом в поликлинике. У самого входа он столкнулся с Да Нином, который в панике метался по коридору и что-то кричал. Сердце Лян Чэня пропустило удар. Он ворвался в палату и увидел Цзянь И: тот забился в угол кровати, обхватив голову руками, и дрожал мелкой, лихорадочной дрожью. То, что было потом... Лян Чэнь зажмурился и коснулся пальцами обложки блокнота. В углу красовалось имя, выведенное размашистым, летящим почерком — красиво, как и всё, что он рисовал.

Чэнь Сяо допил свой стакан и уставился на блокнот. Тяжело вздохнув, он продолжил:

— До твоего появления руководство предлагало мне перевестись в поликлинику. Я тянул с заявлением, отговаривался нехваткой опыта, но на самом деле... я оставался из-за Цзянь И. Ты

же знаешь, многие в Шестой лежат годами. Иногда дольше, чем работают сами врачи. Медики приходят и уходят: кто-то идет на повышение, кто-то увольняется. И каждый раз пациентов передают из рук в руки, как какой-то груз. Цзянь И посмотрелся на это. Поэтому он всегда был холоден с персоналом. Он считал нас карьеристами, для которых он — лишь подопытный образец, инструмент для прыжка выше по лестнице. Мне потребовалась вечность, чтобы он начал мне доверять. А ты... ты едва пришел, и он уже не может с собой совладать: наблюдает за тобой, тянется к тебе. Не знаю, чувствуешь ли ты это, но он никогда ни с кем так себя не вел.

Лян Чэнь по-прежнему хранил молчание. Чэнь Сяо шмыгнул носом.

— Лян Чэнь, на самом деле я пришел не ради этих откровений. Я хочу сказать одно: я не позволю больше никому причинить ему боль. Если через два месяца ты собираешься уйти или, даже оставшись, планируешь относиться к нему как к обычному пациенту по протоколу — я прошу тебя, исчезни из его жизни прямо сейчас. Я сам займусь его реабилитацией и психологической разгрузкой. Пойми меня правильно: мы, здоровые люди, и то порой не знаем меры в чувствах. А этот ребенок... он вообще не понимает, что такое границы. И его болезнь такова, что мир его вряд ли примет. Поэтому подумай хорошенько. Не принимай решений из жалости. Но если ты все же решишь остаться... защити его. По-настоящему.

Лян Чэнь поднял голову и наконец встретился с ним взглядом.

— Если он тебе так дорог, почему ты сам не останешься с ним?

— Потому что у меня нет права, — горько усмехнулся Чэнь Сяо. — Расскажу тебе секрет, о котором не знают даже в больнице. У меня есть сын. Ему шесть лет, он пошел в первый класс.

Лян Чэнь оторопело уставился на него. Чэнь Сяо был всего на три года старше него самого, ему не было и тридцати. Шестилетний сын? И это при том, что он... такой же, как Лян Чэнь.

Заметив его замешательство, Чэнь Сяо невесело улыбнулся.

— Если хочешь, я расскажу. Моя жена была моей однокурсницей. Она любила меня четыре года. А у меня тогда был парень. После выпуска мы расстались, и она начала за мной ухаживать. Сначала я отказывал, но она была такой замечательной, а я — таким чертовски одиноким... В общем, мы сошлись. Она всегда знала, что женщины меня не интересуют, но надеялась, что люди меняются. Она забеременела, а мне нужно было уезжать на стажировку. Мы просто расписались, даже свадьбу не сыграли. После родов у нее началась депрессия. Думаю, правда о моей натуре была ее вечной раной. Я не мог дать ей того, в чем нуждается женщина. Даже ребенок получился случайно. Она долго терпела, всё копила в себе, а после родов плотину прорвало. Я просил ее лечь в больницу, но она отказывалась — мол, надо кормить грудью. Я не настоял... решил подождать. А однажды пришел с работы и нашел предсмертную записку. Она покончила с собой. В письме была всего одна фраза: «Это только моя вина, не вини себя. Забудь меня и вернись на свой путь».

Слезы покатались по щекам Чэнь Сяо.

— Виноват был я, от начала до конца. А она до последнего вдоха меня выгораживала. С тех пор я никого к себе не подпускал. Пока два года назад не встретил Цзянь И. Я люблю его. Сильно, до боли. Я хотел бы сделать для него гораздо больше, чем делаю сейчас. Но у меня нет права. Даже просто любить его — уже эгоизм с моей стороны. Так что, Лян Чэнь, я тебе завидую. Завидую любому, у кого есть шанс начать с чистого листа.

Чэнь Сяо откинулся на спинку дивана и безучастно уставился в потолок.

— Есть ошибки, за которые расплачиваешься всю жизнь. Ее нет, но остался наш сын. Я должен вырастить его достойным человеком — это мой долг перед ней. А для Цзянь И... всё, что я могу — это заботиться о нем, пока он здесь.

Он просидел так какое-то время, затем выпрямился, вытер глаза салфеткой и через силу улыбнулся.

— Прости, сорвался. Уже поздно, мне еще сына от бабушки забирать. Подумай о Цзянь И. Я буду ждать ответа. И еще: если завтра к восьми утра тебя не будет на месте, я оформлю тебе отгул. Бывай, Лян Чэнь.

Он хлопнул коллегу по плечу и ушел. Лян Чэнь сидел неподвижно, глядя на блокнот, пока подошедший официант не спросил, не нужно ли повторить заказ.

— Виски, пожалуйста, — хрипло отозвался Лян Чэнь. Голос подвел его. За весь вечер он едва выдал пару фраз, но каждое слово Чэнь Сяо выжглось в памяти. Он вспомнил их первую встречу, когда Брат Сяо с пакетом сладостей рассказывал о Цзянь И с неизменной теплотой в глазах. Вспомнил Цзянь И в пустой палате...

Он осторожно открыл блокнот. Цзянь И заполнил его почти наполовину, хотя прошло совсем немного времени. Страницы были измяты. Лян Чэнь медленно листал их, рассматривая даты и названия: «Ветряная мельница», «Чайка», «Бамбуковая роща»... Мрачные тона исчезли, уступив место жизни.

Внезапно он наткнулся на страницу, сплошь покрытую беспорядочными штрихами. Сердце болезненно сжалось. Сквозь хаос линий проглядывал портрет. Это был он, Лян Чэнь. Сидит, низко наклонив голову, и что-то пишет. Ракурс был такой, словно художник сидел прямо напротив. Лян Чэнь вспомнил: это был их первый сеанс психологической разгрузки. Он тогда заполнял историю болезни, а Цзянь И долго, не отрываясь, наблюдал за ним. Спустя столько дней парень восстановил этот момент по памяти.

Взгляд Лян Чэня скользнул в правый нижний угол. В графе «Тема» стояло всего одно слово: «Лян-Лян». Его личное, тайное прозвище для него. Сейчас эта страница была изуродована карандашными росчерками, грифель местами прорвал бумагу. Стало ясно: когда начался

приступ, Цзянь И в исступлении пытался зачеркнуть именно этот рисунок. Лян Чэнь пододвинул лампу ближе, пытаясь разобрать слова сквозь заштрихованные участки.

Он начал вести пальцем по линиям, повторяя движения карандаша, и вдруг замер. Словно мощный удар в грудь вышиб из него весь дух. Тело прошила дрожь, он бессильно рухнул на спинку сиденья. Оцепенение спало, и слезы хлынули из глаз. Чтобы не закричать, он до боли впился ногтями в ладони.

Там, на истерзанной бумаге, Цзянь И, борясь с гаснущим сознанием, дрожащей рукой вывел четыре слова:

«Ты мне очень нравишься».

Лян Чэнь и не подозревал, что его предложение «сделки» пробудит в этом изломанном парне первое в жизни любопытство.

Он не знал, что его удар в челюсть станет для него первым уроком вины.

Он не думал, что простое предложение дружбы запустит механизм перемен.

Он столько раз смотрел ему в глаза, убеждая, что это «окна в душу».

Он вычислял его ложь, но не разглядел за ней сердце.

Он сам открыл его душу, вытащил из кокона... и он же, своими руками, стер из его памяти всё, что касалось их двоих.

***

Лян Чэнь не помнил, сколько выпил и как отшивал тех, кто пытался к нему подсесть. Телефон в кармане разрывался от звонков. Когда бар начал закрываться и официант помог ему подняться, Лян Чэнь дрожащими пальцами выудил мобильник. Экран расплывался, он даже не пытался сосчитать пропущенные. Собрав волю в кулак, он набрал номер Пэй Сяна.

Тот ответил почти мгновенно. Голос друга дрожал от ярости:

— Лян Чэнь, твою мать! Ты где, ублюдок, всю ночь шляется?! Скажи хоть, в какой канаве тебя забирать, я приеду за твоим трупом!

— Пэй Сян... — прохрипел Лян Чэнь.

На том конце воцарилась тишина. Пэй Сян вздрогнул. Последний раз Лян Чэнь называл его так три года назад, в день расставания с Ван Кэцзя. Это было кодовое имя боли. Сигнал о том, что он на грани.

Пэй Сян глубоко вздохнул, подавляя гнев.

— Господи... Ты меня до инфаркта доведешь. Всё, успокойся. Просто скажи, где ты. Или передай трубку кому-нибудь рядом. Жди меня и никуда не уходи, слышишь? Что бы ни случилось, мы всё решим, когда я приеду. Слышишь меня?

<http://bllate.org/book/17455/1658653>